

МОТИВ ДОРОГИ К ХРАМУ В РОМАНЕ-ФАНТАСМАГОРИИ АНАТОЛЯ БОРОВСКОГО «ИСКУШЕНИЕ» («ДАМОВА НА СПАКУСУ»)

В статье рассматривается роль мотива дороги к храму во взаимодействии с другими христианскими мотивами в развитии сюжета романа-фантазмагии современного белорусского писателя Анатоля Боровского «Искушение» («Дамова на спакусу»). Выявляется и обосновывается основной сотериологический смысл этого мотива, его соотношение с ведущей темой и главной идеей произведения, с выраженными автором взглядами на проблемы, связанные со сферой «художник – творчество».

Ключевые слова: роман-фантазмагория, тема, идея, сюжет, мотив дороги к храму, мотив искушения, мотивы покаяния, очищения и преображения души, православно-христианская точка зрения, сотериологический смысл, Библия, возвращение блудного сына, художник, творчество.

Роман-фантазмагория Анатоля Боровского «Искушение» («Дамова на спакусу») как с жанровой точки зрения, так и по своей идейно-смысловой направленности, содержащимся в нем мотивам, специфике интертекстуальной поэтики, проникнутой многочисленными явными и скрытыми отсылками к Библии, занимает четко обособленное место в современной белорусской прозе. Будучи человеком религиозным, то есть таким, по словам Н. Е. Пестова, «ценности которого не только на земле, но и на небе» [1(1: 624)], писатель выражает христианский взгляд на проблемы и противоречия духовно-личностного самоощущения, связанные, главным образом, с творческими поисками в сфере словесного искусства. А. Боровским изображен сложный процесс преодоления художником опасных для души заблуждений и пристрастий, сокрытого в сердечных глубинах зла с последующим прозрением, нравственным преображением и возвращением блудного сына в «Отчий дом» [1(1: 627)]. Целью данной статьи является рассмотрение смыслового наполнения мотива дороги к храму, определение его функциональной нагрузки в развитии сюжета романа-фантазмагии А. Боровского, соотношения с другими сквозными мотивами, ведущей темой и основной идеей произведения.

Мотив дороги к храму проходит через роман-фантазмагорию «Искушение» («Дамова на спакусу») в тесном взаимодействии с мотивом искушения, с одной стороны, и с христианскими мотивами покаяния, очищения и преображения души, с другой, образующими в произведении «весьма значимые и сюжетно продуктивные семантические соединения» (мотивные комплексы) [2: 53]. Особая роль мотива искушения не случайно закреплена в заглавиях романа-фантазмагии, опубликованного на русском и белорусском языках. Книжное издание на белорусском языке – «Дамова на спакусу» – в текстовом плане отличается от русскоязычной публикации и содержит некоторые новые примечательные художественные детали и эпизоды. Мотив дороги к храму играет не менее важную сюжетообразующую роль в произведении А. Боровского, нежели де-

терминирующий его образование и функционирование мотив искушения. С наибольшей степенью полноты и силы смыслового звучания этот мотив прослеживается в тексте произведения, изданном на белорусском языке и вобравшем в себя опыт самопознания, приобретенный автором на пути его духовных поисков.

В художественной форме А. Боровским раскрывается сущность «психологического феномена – искушения» [1(1: 216)], то есть такого состояния души, «когда ей непосредственно темной силой или через слова людей навязываются мысли, а сердцу чувства или пожелания, нарушающие душевный мир или влекущие к нарушению Божественных заповедей, требований совести и разума» [1(1: 216)]. Конечной целью искушения, согласно христианскому учению о страстях как о болезнях души человека, созданного по образу и подобию Божьему, является ее разъединение с Творцом.

Нравственное зло в романе-фантазмагории «Искушение» («Дамова на спакусу») показано в немалой степени через призму христианской мистики, представляя собой одно из проявлений уловления и поглощения человеческой души «демонической духовностью» [3: 557]. «Физически такая антибожественная духовность переживается как тьма, а в нравственной области как зло и ложь, которые не имеют собственного метафизического содержания, а являются разрушением добра и правды», – замечает, характеризуя «мистическое» как отражение «сверхчувственного способа бытия» в литературе, М. В. Яковлев [3: 557]. А. Боровский воссоздает фантастическую ситуацию вмешательства в судьбу главного героя дьявола, который, представившись могущественным бизнесменом и меценатом Анатасом Олкеповым, заключает со своим избранником договор о творческом сотрудничестве. Художнику и писателю Антону Климовичу, попавшему в сатанинскую ловушку, с большим трудом и только по милости Божьей удается вырваться из нее.

«Средневековый сюжет о договоре человека с дьяволом» (О. Д. Журавель), как пишет В. И. Тюпа, («в каноническом своем инварианте предполагает четыре узловых (фазовых) сюжетобразующих мотива: 1) вызванное искушением отпадение от миропорядка → 2) несправедное партнерство с inferнальным помощником-вредителем → 3) мотивированное раскаянием лиминальное торжество сакрального заступничества над inferнальным искусителем → 4) воссоединение с миропорядком (в частности, благочестивая смерть или монашество)» [2: 54]. «Фабульная схема inferнального искушения, преодолеваемого сакральным заступничеством» (В. И. Тюпа), со всей очевидностью прослеживается в романе-фантазмагории А. Боровского. Отдельные из составляющих ее компонентов получают дополнительные смысловые оттенки, связанные со спецификой авторского подхода к раскрытию вечной в литературе темы борьбы добра и зла, света и тьмы, божественного и сатанинского начал в мире и в душе человека.

Основным направлением в развитии романно-фантазмагорического сюжета является изображение преодоления демонического прельщения героем, обретения им пути к спасению и к новому рождению, вследствие чего мотив дороги к храму приобретает преимущественно сотериологический смысл (сотериология – «христианское учение о спасении человека») [4: 34]. В произведении запечатлено преображение «внешнего», или «душевного» человека в человека «внутреннего», или «духовного» (по свидетельству православного богослова Н. Е. Пестова, «так различает их в своих посланиях апостол Павел») [1(1: 139)]. Согласно одной из точек зрения, выраженных в Священном Предании, человеческое существо – это «противоположность внешнего и внутреннего чело-

века, где внешний человек представлен телом, а внутренний – душой и духом» [4: 33]. Соответственно, «спасение человеческой души человека для жизни вечной заключается в ее одухотворении, в осуществлении душой духовной жизни» [4: 34].

Антон Климович «сжег за собой не только виртуальные мосты, ... самого себя, того, который не внял когда-то предупредительному внутреннему голосу, поддался искушению славой, поклонялся золотому тельцу» [5: 299]. Изменение внутреннего состояния героя повлекло за собой и совершенно иное восприятие им окружающего мира: «Уздыхнуўшы на поўныя грудзі, агледзеўся вакол. Толькі цяпер убачыў перад сабою лес і восень, Ліку, Ірыну і Тацяну. Свет зноў успыхнуў для мяне непаўторнымі колерамі, вясёлкай, наталяючы душу чысцінёй і дабрынёй» [6: 719].

Одна из функций детализации духовных устремлений и поисков центрального персонажа принадлежит тем эпизодам романа-фантазмагии, где речь идет о картине «Дорога к храму», над которой работает Антон Климович. В ее названии выражен характерный для православно-христианской традиции сотериологический смысл, который соотносится также в контексте произведения с упоминаниями героя о гомельском Петропавловском соборе. В нем Антон Климович «начал исповедоваться и причащаться у отца Георгия» [5: 299]. Тяготение художника к изображению храма является одним из выражений устремления его души ввысь, к Божественному свету. И, напротив, создание Антоном Климовичем портрета Анатаса (Сатаны), в изменчивом облике которого неоднократно подчеркиваются хтонические черты («Он, Анатас, змей – и жало у него змеиное...» [5]), может расцениваться как свидетельство глубокого нравственного заблуждения автора портрета.

Рождение «внутреннего» («духовного») человека раскрывается А. Боровским и через показ изменения отношения его героя к своему творчеству как к сфере, которая не должна вытеснить из сердца человека любви к ближним и стремления заботиться о них, став, наподобие золотого тельца, идолом, поглощающим душевные силы в погоне за славой и самоутверждением. Антон Климович сжигает рукопись романа «Рэквіем», договор на издание которого был заключен по сатанинскому внушению: «Зазвонили колокола Петропавловского собора, словно подтверждая и одобряя мои действия.

Спаси меня, Господи, и помилуй!

Уратуй мяне, Божа, і памілуй!... » [5, с. 299].

В описаниях измененного внутреннего состояния центрального персонажа автор романа-фантазмагии приближается к выражению православно-христианского подхода к осмыслению сущности явлений фантазии и воображения. В соответствии с ним, «фантазия и воображение есть чешуя, "кожаная риза" разумной части души, которая покрывает ум и помрачает его» [4: 149]. В отличие от секулярной точки зрения, «согласно христианскому вероучению, современный человек и мир находятся в состоянии грехопадения, а поэтому они требуют своего обновления и очищения – в том числе и от гипертрофированного воображения (ибо это является одним из последствий грехопадения). ... греховное воображение на протяжении тысяч лет преобразует этот мир под себя, а потом этот же мир таким же образом воздействует и приспособливает к себе вновь появляющихся людей» [4: 152]. К опасным душевным пристрастиям относит искусство, если оно овладевает сердцем человека, Н. Е. Пестов. Православный богослов, характеризуя сущность пристрастия, замечает: «Как мы знаем, сатана постоянно нападает на души людей.

Целью его усилий является удаление души от Бога всеми доступными для него средствами. Он старается, чтобы мы создали для себя свой кумир, которому вместо Бога отдали бы свое сердце, о котором бы постоянно думали.

Для этого он прельщает нас различными видами земных благ – богатством, славой и властью; прельщает всеми видами пристрастий к людям, животным, вещам, науке, технике, искусству, светской литературе, поэзии, спорту и т. д.» [1(1: 213)].

Спалив рукопись, Антон Климович обращается к природе и пейзажной живописи, видя в них источник духовной радости и свободы: «Я знюў толькі мастак. Езджу на эцюды, малюю прыроду.

Люблю вельмі маляваць храмы на фоне блакітнага неба з кудлатымі воблакамі» [6: 720].

Смысловая взаимозависимость, определяющая отношения мотива дороги к храму с мотивами нравственного прозрения и покаяния в сюжете романа-фантазмагии А. Боровского, прослеживается на интертекстуальном его уровне, включающем в себя известные библеизмы: «суета сует», «поклоняться золотому тельцу», «возвращение блудного сына». Употребление автором выражения «возвращение блудного сына», восходящего к притче из Евангелия от Луки, позволяет ему не только соотнести образ Антона Климовича с евангельским раскаявшимся грешником, но и акцентировать христианское звучание мотивов очищения и преображения души, проходящих через произведение: «На мальберце чакаў мяне белы, бы снег, падрамнік.

Але я не спяшаўся брацца за пэндзаль – расцягваў задавальненне і асалоду дотыку да загрунтаванай паверхні.

Не мог да канца паверыць у сваё новае нараджэнне, у вяртанне блуднага сына на поле сваёй стыхіі, без якой не мог жыць...» [6: 725].

Антон Климович – это тоже блудный сын, обращающийся от «суеты сует» [5: 301] и после долгого пребывания в советском «пекле у раі» [6: 582], к истинным ценностям, к урокам нравственной мудрости, преподанным в далеком деревенском детстве бабушкой Анастасией Федоровной, много сделавшей для пробуждения у внука интереса к чтению Книги книг – Библии. «Святые слова» [5: 4] «бабулінай кнігі» [6: 340] глубоко вошли в детскую душу, отозвались в сознании полесского блудного сына спасительным светом божественного знания: «Падалося, што ляжу ў адрынцы бабулі, а ў падстрэшы, над галавой, варушацца ў сваіх гняздзечках ластаўкі. ...

Зліпліся вейкі, і не было сілы ўжо расплюшчыць іх... І нечый голас – ціхі і затоены – шаптаў мне на вуха, як папярэджаў, напамінаў пра тое, што некалі чытаў у бабуліных кнігах – Святым Пісанні; “Сіла Божая – не сіла чалавечая, і Слава Божая – не слава чалавечая...”» [6: 464].

Показывая в романе-фантазмагии «Искушение» («Дамова на спакусу») выбор Антоном Климовичем пути к Богу, автор тем не менее не находит разрешения всех глубинных противоречий, характеризующих личностное сознание своего героя. «Внешний» («плотский» и «душевный») человек, «дзіўны землянін» [7: 252], «па паходжанні шляхціц, паляшук і летуценнік» [7: 234], оставляет в новообращенном православном христианине Антоне Климовиче память о созданной им некогда фантастической планете Ахутаване, о персонажах, заживших независимо от создателя. Поэтому многие важные вопросы, связанные с темой «художник – творчество», рассмотрение которой с право-

славно-християнської точки зору суттєво відрізняється від того підходу, який сформувався «в секулярній культурі європейської цивілізації» [4: 6], залишаються в заключительній частині твору без відповіді: «І ці сапра́вди я пабува́у з астранаўтамі на Месяцы?»

Бо тое было так рэальна і натуральна, што тую радасць буду памятаць усё жыццё...

Больш таго – карціны, якія маляваў на Месяцы, знаходзяцца і сёння ў маёй майстэрні.

А Ірад? Я выдумаў яго, ці зноў жа – Анатас мне яго падсунуў?

А Марыя Магдаліна?..

З цягам часу мне неабходна будзе разабрацца з гэтымі і іншымі таямнічымі эпізодамі і фактамі майго існавання, – усяму свой час» [6: 726].

Проведений вище аналіз сквозного в романе-фантазмагоріі А. Боровського «Искушение» («Дамова на спакусу») мотива дороги к храму дозволяє визначити вівідну тему твору – перадоленне лічностю ввнутреннього зла, персоніфіцированного в образе інфернального іскушителя – Анатаса Олкепова, – с последующим нравственным прозрением і преображением героя, выбором им пути к Богу. В сюжете романа-фантазмагоріі, насыщеном устойчивыми і вечными літературными мотивами, мотив дороги к храму заключаєт в основном сотериологический смысл, с которым соотносится ключевая идея твору: «У нас два шляхі – дарога да Бога, да светласці і радасці, і дарога назад – да цемры, да пагібелі» [6: 725]. Однак вследствие некоторой противоречивости і непросьненности авторской позиции создается представление о неполноте, незавершенности смыслового звучания мотивов дороги к храму і преображения души с точки зрения их рассмотрения в связи с утверждаемой автором основной идеей о возможности выбора либо пути к Богу, либо направления в сторону подчинения своей души власти демонической духовности. Антон Климович, выбрав християнський путь, все же остается художником, которому трудно оборвать душевную связь со своими героями, несмотря на то, что из-за них «пришлось подвергнуться іскушению і побывать в преисподней» [5: 302].

СПИСОК ІСПОЛЬЗОВАНИХ ІСТОЧНИКОВ

1. *Пестов Николай Евграфович*. Современная практика православного благочестия / Николай Пестов : [в 2 т.] Т. 1. – М. : Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. – 736 с. – ISBN 978-5-89424-015-2.

2. *Тюпа В. И.* К вопросу о мотиве «уединения» в русской литературе Нового времени / Валерий Игоревич Тюпа // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции / под ред. Е. К. Ромодановской. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 49–55. – ISBN 5762312194.

3. *Яковлев М. В.* Мистическое / М. В. Яковлев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. Николюкина А. Н. Институт научн. информации по общественным наукам РАН – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 555–559. – ISBN 5-93264-026-X.

4. *Шеховцова Лариса Филипповна*. Элементы православной психологии : Монография / Л. Ф. Шеховцова, Ю. М. Зенько. – М. : Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. – 252 с. – ISBN 978-5-7789-0273-2.

5. *Боровский Анатолий*. Искушение : роман-фантазмагория / Анатолий Боровский. – Мн. : Асобны, 2007. – 304 с. – ISBN 978-985-6817-89-5.

6. Бароўскі Анатоль Мікалаевіч. Воляй абраны. Дамова на спакусу : Раманы / Анатоль Бароўскі. – Гомель : ОАО «Полеспечать», 2012. – 736 с. – ISBN 978-985-7012-15-2.

7. Бароўскі Анатоль. Пякельны рай : Апавесці / Анатоль Бароўскі. – Мн. : Маст. літ., 2002. – 326 с. – ISBN 985-02-0452-4.

Стаття надійшла до редакції 10.06.13

Цибакова С., канд. філол. наук,

Гомельський державний ун-т імені Франціска Скорина, Гомель, Білорусь

МОТИВ ДОРОГИ ДО ХРАМУ В РОМАНІ-ФАНТАСМАГОРІЇ АНАТОЛІЯ БОРОВСЬКОГО «СПОКУСА» («ДОГОВІР НА СПОКУСУ»)

У статті розглядається роль мотиву дороги до храму у взаємодії з іншими християнськими мотивами в розвитку сюжету роману-фантазмагорії сучасного білоруського письменника Анатолія Боровського «Спокуса» («Договір на спокусу»). Виявляється і обґрунтовується основний сотеріологічний сенс цього мотиву, його співвідношення з провідною темою і головною ідеєю твору, з вираженими автором поглядами на проблеми, пов'язані з сферою «художник - творчість».

Ключові слова: роман-фантазмагорія, тема, ідея, сюжет, мотив дороги до храму, мотив спокуси, мотиви каяття, очищення і перетворення душі, православно-християнська точка зору, сотеріологічний сенс, Біблія, повернення блудного сина, художник, творчість.

Tsybakova S., PhD, Associate Professor of Philology,

Francisk Skorina Gomel State University, the Department of Philology
(the Republic of Belarus)

THE MOTIVE OF THE ROAD TO THE TEMPLE IN THE PHANTASMAGORIC NOVEL «TEMPTATION» («AGREEMENT OF TEMPTATION») BY ANATOL BOROVSKY

The article considers the role of the motive of the road to the temple together with other Christian motives in the plot development of the phantasmagoric novel “Temptation” (“Agreement of temptation”) by the modern Belarusian writer Anatol Borovsky. There has been identified and interpreted the general soteriologic meaning of this motive, its correlation with the theme-line and general idea of the work, with the author’s vision of the problem «artist – art».

Key-words: phantasmagoric novel, theme, idea, plot, motive of the road to the temple, motive of temptation, motive of confession, motives of absolution and transfiguring of the soul, Orthodox position, soteriologic meaning, Bible, return of the prodigal son, artist, art.